

Михаил Алексеевич Кузмин

**Пять разговоров и один
случай**

Михаил Кузмин

Пять разговоров и один случай

«Public Domain»

1925

Кузмин М. А.

Пять разговоров и один случай / М. А. Кузмин — «Public Domain», 1925

«Приезжий не знал, что его везут на улицу Смычки. Не знал этого и извозчик, чувствуя, что Смычкой скорее могут называться или отравляющие воздух папиросы, или младенцы женского пола, не свыше пятилетнего возраста, хотя и этих последних их толстомордые матери и сознательные отцы предпочитали называть Феями, Мадоннами и Нинель...»

Содержание

Начало случая	5
§ 2. 1-й разговор о мебели	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Михаил Кузмин

Пять разговоров и один случай

Начало случая

Приезжий не знал, что его везут на улицу Смычки. Не знал этого и извозчик, чувствуя, что Смычкой скорее могут называться или отравляющие воздух папиросы, или младенцы женского пола, не свыше пятилетнего возраста, хотя и этих последних их толстомордые матери и сознательные отцы предпочитали называть Феями, Мадоннами и Нинель. Как бы то ни было, Виталий Нилыч Полухлебов был доставлен до места назначения. В заставленной шкапами и вешалками передней, он снял котелок и голова его оказалась необыкновенно похожей на ночную посуду без ручки. Сестра его, не обращая внимания на невинную неприятность его наружности, повела его в столовую, где уже кончали утренний кофеи ее взрослые дети Павел и Соня. Багаж с наклейкой «Берлин» снесли в боковую комнату, назначенную для гостя. Приезжий говорил тихо и правильно, подбирая точные выражения, как иностранец, был почтенен, вежлив и растерян.

Впечатление тихого и какого-то домашнего неприличия, по-видимому, чувствовалось и домашними, так как иногда среди разговора они умолкали, тупились и краснели. Только Виталий Нилыч безоблачно журчал, не моргал и избегал менять выражение невыразительного лица. Он был хорошо вымыт и одет опрятно. В комнате было ужасно много мебели, будто ее снесли из трех квартир, и голоса не разносились в пространстве, а падали обратно, так что все говорили вполголоса. Впрочем, Полухлебов и вообще говорил тихо.

§ 2. 1-й разговор о мебели

В большой гостиной стиля Люд«овика» XVI – 80-х годов <-> камин, зеркала, рояль, портьеры, горки, бра, картины, ковры, пуфы, шелк, бронза, даже книги в переплетах Шнеля и Мейера. Светлый вечер, окна открыты. Красный дом напротив еще освещен солнцем. Виталий Нилыч, сестра его Анна Ниловна Конькова, ее дети, Павел Антоныч и Софья Антоновна. Возраст: 45, 50, 25 и 28. Старшие брат и сестра говорят вполголоса. Младшие вообще молчат. Молодой человек покурил, покурил и ушел. Соня перебирает ноты у рояля, будто ей смертельно скучно. Пыль везде вытерта, но кажется, что все покрыто пылью, даже плешь Полухлебова.

В.Н. Меня одно удивляет, хотя удивление вообще свидетельствует о некотором несовершенстве нашего мозгового аппарата. Так вот, меня удивляет несоответствие того, что я здесь нашел, с тем, что я ожидал встретить.

А.Н. Я тебе не раз писала о наших делах.

В.Н. Ну да, ну да, я по твоим письмам и судил, не по газетным же известиям. И я ожидал совсем другого.

А.Н. Всего не напишешь, не передашь.

В.Н. Совершенно верно. Но я удивлен, я был потрясен, если бы не был человеком тренированным.

А.Н. Что же тебя так потрясает, если это не секрет?

В.Н. Наоборот, я хочу разобраться в этом. Я колебался между ужасом и блестящей судьбой с нашей, ну понимаешь, нашей точки зрения. Я не нахожу ни того, ни другого, но заменена точка зрения.

А.Н. Объяснись.

В.Н. Вы не в блестящем и, конечно, не в ужасном положении, но в непонятном. У вас роскошная обстановка...

А.Н. Она не наша.

В.Н. Я вижу. В этом то и дело. Чья же она?

А.Н. Я уж не помню. Марголиных каких-то... прежних владельцев.

В.Н. Но вы ее пользуетесь?

А.Н. Очевидно. Теперь она считается нашей.

В.Н. Ты говоришь «считается». Кем?

А.Н. «Совхозом», «Жилтовариществом», «Домуправом», всеми учреждениями.

В.Н. Ну, этих новых слов я не понимаю. А вами? тобою?

А.Н. В конце концов и нами.

В.Н. Но ведь она не ваша. Ты ее не покупала и не получала в наследство.

Соня совсем увяла за своими нотами и через секунду уйдет.

В.Н. И тебе не противно жить в чужих вещах.

А.Н. Живут же люди в гостиницах.

В.Н. Там безразлично, для всех, а тут есть остаток, флюиды этих Марголиных, ну, прежних-то.

А.Н. Конечно, ты прав, Виталий. М«ожет» б«ыть» и мне было противно, особенно, когда я нашла в шкапу связку их писем... Потом привыкла. Что ты хочешь?

В.Н. Ты сама не замечаешь, как делаешься коммунисткой.

А.Н. Какое! мы на примете, нас не сегодня, завтра посадят.

Конькова закрывает окна, опускает шторы и говорит о другом.

А.Н. Знаешь, кто на время уезжает за границу и трется среди эмигрантов, все «советизируются» – а у нас наоборот. Я думаю, самые злостные контрреволюционеры те, которые вна-

чале сочувствовали революции. Это происходит от идеализма... не очень умного, по-моему, как всякий идеализм.

В.Н. А ты не идеалистка?

А.Н. Не знаю. У меня нет времени. Живу изо дня в день.

В.Н. Политика страуса?

А.Н. Не знаю. Иначе нельзя.

В.Н. А дети? «Мы с тобою уже старики».

А.Н. Вероятно, так же. Может быть, у них есть личные интересы.

В.Н. «А годы проходят, все лучшие годы».

А.Н. Для нас-то с тобой уже не лучшие.

В.Н. Это как сказать. «Лучшие годы» не для всех совпадают с одним и тем же возрастом.

А.Н. Да. В детстве я думала всегда, что лучший год это будущий.

Гость долго ходит по ковру не двигая головой, и ужасно белый, как фаянс. На лбу светит отражение люстры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.